

Прот. С. ЧЕТВЕРИКОВ

О мировом зле и о спасающей церкви

По поводу статьи Н. А. Бердяева
«О христианском пессимизме и оптимизме» *

Я очень рад, что своим письмом дал повод Н. А. Бердяеву еще раз и с новыми подробностями высказаться по таким глубоким и важным вопросам христианского мирозерцания, как вопросы о сущности и источнике мирового зла и о Церкви, о цели Ее существования в мире. И, кроме того, я очень благодарен Н. А. Бердяеву за то, что он с таким вниманием отнесся к моему письму и посвятил ответу на него большую и интересную статью.

---

* Опубл. в журнале «Путь», № 46.

Настоящая моя заметка, как и предварительное письмо к Н. А. Бердяеву, вызвана не только интересом к книге «Судьба человека в современном мире» и заключающимся в ней мыслям, но и другими практическими соображениями. Мне, как священнику, нередко приходится встречаться и разговаривать с людьми, совершенно подавленными существующим в мире злом, потерявшими веру в силу добра и правды, в самое существование Бога любви и справедливости, дошедшими до полной безнадежности и отчаяния, до утраты всякого желания жить. Мне постоянно приходится ободрять таких людей, разубеждать их, доказывать им силу и несокрушимость добра, его преобладающее значение в мире. Задача эта нелегкая, так как наталкиваешься на непреодолимую упорную стену убежденного беспросветного пессимизма. Таким людям недостаточно *вообще* говорить о Боге, но им надо показать Его действие в мире, наглядное и несомненное. Это достигается прежде всего указанием на Господа Иисуса Христа и Его Евангелие как на несомненное очевидное явление любви Божией в мире. Но этого недостаточно. Иисус Христос жил на земле почти 2000 лет тому назад. Для многих это почти забытый, а может быть, и сомнительный факт далекого прошлого, не имеющий отношения к современной

Это дает мне смелость продолжить мое собственное собеседование с Н. А., и попросить у него дальнейших разъяснений, в надежде что эти разъяснения будут полезны и интересны не для меня одного, но и для других читателей «Пути». При этом я должен оговориться, что, не будучи ни философом, ни богословом, я не веду ни философской, ни богословской полемики с Н. А. Бердяевым.

Я просто обыкновенный верующий христианин, ищущий найти в спокойном и дружественном обмене мыслей разъяснение возникающих у меня недоумений, может быть, с богословской или философской точки зрения и не заслуживающих особого внимания, но для меня очень существенных и важных.

Статья Н. А. Бердяева «О христианском пессимизме и оптимизме» не дала ответа на мой основной вопрос, поставленный ему, — продолжается ли и донныне на земле дело Христово, преодоление мирового зла, и если продолжается, то где и через кого оно совершается.

Но все же она дала мне некоторое удовлетворение. Я нашел в ней слова, которые доставили мне большое удовлетворение. Слова эти следующие:

«У меня очень сильное и мучительное чувство зла жизни, горькой участи человека, *ко еще сильнее у меня вера в высший смысл жизни*» (курсив мой).

«Меня поразило, что у о. С. Четверикова осталось такое впечатление от моей книжки, как будто Бог не действует в исто-

---

действенности. Им надо показать, что дело Христово не прекратилось на земле, что Бог и ныне действует в мире, и лучшим, наиболее наглядным и осязательным подтверждением этого является существование на земле Христовой Церкви с Ее благодатными дарами Св. Духа, воспринимаемыми нами в храмах, в молитве, и особенно в таинствах покаяния и причащения Св. Тайне. Таким путем через Церковь человек и ныне может входить в такое же непосредственное и тесное общение с Господом Иисусом Христом, в каком находились апостолы и другие современники Христа. Через Церковь можно познать и живое присутствие в мире Бога и почувствовать под собою твердую почву уверенности в Его близости к нам и в Его помощи.

Вот то жизненное соображение, которое побуждает меня напоминать о спасающей Церкви Христовой как несокрушимой силе Божией, существующей на земле среди нас.

рии, Бог покинул мир. *В действительности все, что я говорю в своей книге, не имеет смысла, если нет. действия Бога в истории»* (курсив мой).

«Человек поставлен перед бездной бытия или небытия. И он не может овладеть этой бездной лишь своими собственными силами, он нуждается в помощи свыше. Это есть дело богочеловеческое. И если в нашу эпоху подвергается опасности самое существование человеческого образа, если человек разлагается, то именно потому, что он положился исключительно на себя и свои силы».

«Человек проходит сейчас, может быть, самый опасный период своего существования» (курсив мой).

Все эти слова я прочитал с большим удовлетворением. Они вполне отвечают моим собственным мыслям. Они утверждают ту истину, что на земле действительно существует помощь Божия людям в борьбе со злом. И мне казалось, что прямым и необходимым выводом из этих слов должно было бы явиться заключение, что эта помощь в организованном виде сосредоточивается в Христианской Церкви. Это ясно видно из слов Христа Спасителя.

В своей последней молитве об учениках перед своими страданиями Иисус Христос говорит: «Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое, Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил. Ныне же к Тебе иду и себе говорю в мире, чтобы они имели радость Мою совершенную... Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Иоанн, XVII, 12—15).

Из этих слов видно, что, оставляя своих учеников, Иисус Христос подает им радостную надежду, что и без Его видимого пребывания с ними они будут сохранены от зла. А также будут сохранены от зла и верующие по слову их.

Орудием этого спасения является Христова Церковь. Если бы Н. А. Бердяев в своей книге или хотя бы в своем ответе мне отметил это значение Церкви Христовой — не было бы повода делать ему упрек в одностороннем и безысходном пессимизме.

Но он этого не сделал, и вопрос о средствах спасения от зла и о помощи Божией людям в этом спасении остался не выясненным до конца, и в этом я видел и вижу недостаток и неполноту очень интересной книги Н. А.

В своей статье «О христианском пессимизме и оптимизме» Н. А. Бердяев много говорит о Церкви, но то, что он говорит о Ней, вызывает только новые и еще большие недоумения. Мнимые или действительные ошибки или погрешности исторических Церквей до такой степени заполняют внимание Н. А., что

он за этими погрешностями перестает видеть в мире подлинную деятельность и подлинное значение Христовой Церкви. Суждения его о Церкви становятся пристрастными и несправедливыми. А между тем в его статье имеется и правильное определение Церкви, но он делает его как-то мимоходом и на нем не останавливается. Определение это следующее:

«Церковь есть мистическое Тело Христово, духовный организм, как бы продолжающееся Боговоплощение». Из этого определения Церкви Н. А. не сделал никакого конкретного заключения, не объяснил, какой же смысл и какой результат этого «продолжающегося Боговоплощения».

В своей оценке Церкви Н. А. Бердяев представляет в извращенном и неверном виде все Ее свойства и действия. Он, например, приписывает Церкви «гладкое, благополучное, бестрагичное понимание христианства», «деление мира на спасающихся в ограде Церкви, где все благополучно, радостно и светло, и на погибающих в мире, где все неблагополучно, мучительно и темно». В этих словах есть и правда, но правда, неверно представленная. Конечно, там, где пребывает Христос, где действуют благодатные дарования Св. Духа, т. е. в Церкви Христовой, там «все радостно, светло и благополучно», но можно ли видеть в этом несоответствие духа Церкви духу Евангелия, как он утверждает? Не в этом ли свойстве Церкви заключается ее привлекательность и спасительность для измученных и страдающих в мире душ? И, с другой стороны, вне Христовой Церкви, в отчуждении от Христа — все, естественно, становится «неблагополучным, мучительным, темным».

И странно было бы, если бы было иначе. Далее Н. А. Бердяев, продолжая неверное освещение Церкви, пишет: «Следование пути Христа, ведет к тому, что мы будем с мытарями и блудницами, с погибающими в мире и корчащимися в муках. Трудно понять, как можно спокойно и благополучно чувствовать себя спасающимися в ограде Церкви и не разделять страшной скорби и муки мира. Всегда подстерегает опасность фарисейского самодовольства». В этих словах Н. А. Бердяева опять все крайне перепутано. Из Евангелия мы знаем, что мытари и блудницы (кающиеся) идут впереди фарисеев в Царствие Божие, что мытарь оправдывается более фарисея, что Закхей удостоился принять в дом свой Господа. То же самое говорит и Церковь. Из этого и видно, что мытари и блудницы (кающиеся), они-то именно и находятся в ограде Церкви, а о самодовольных фарисеях сказано, что они «извергнуты будут вон». Н. А. Бердяев совершенно произвольно и неверно исклю-

чает мытарей и блудниц (кающихся) из ограды Церкви, а самодовольных фарисеев включает в нее. Это не соответствует ни учению Евангелия, ни учению Церкви.

Особенно неудачно ссылается Н. А. Бердяев на притчу о «блудном сыне», приводя странное толкование Андре Жюда¹. Блудный сын ушел из отчего дома совсем не в поисках «истины и правды». Он ушел для того, чтобы, пользуясь полученной частью имения, жить блудно, в свое удовольствие. И если он «страдал», то в этом его страдании не было ничего доблестного, он страдал оттого, что, расточив свое имение, стал терпеть лишения во всем, вынужден был сделаться свинопасом и питаться пищею свиней. И только тогда он «пришел в себя», покаялся и решил вернуться к отцу своему. И это возвращение к отцу, в отчий дом, т. е. в Церковь, принесло ему внутреннее удовлетворение и дало ему постоянную радость. Тех же, кто уходит из отчего дома, из Церкви, в поисках «истины и правды», кто даже является, подобно Иову, «богоборцем», тех Бог не отвергает, как это видно из примера того же Иова. В своем письме я не утверждал, что «участие любящего Бога в человеческой жизни относится лишь к находящимся в ограде Церкви». У меня была другая мысль, что самое существование Церкви в мире говорит о любви Божией к миру, так как на Церковь возложена миссия просвещать мир истиною и освящать мир благодатью Божией. Я писал в своем письме: «Иисус Христос основал на земле свою Церковь как силу и правду Божию, которую не одолеют “врата адовы” и которая навсегда пребудет “столпом и утверждением истины”». Церковь не отмежевывается от мира, предоставляя злым «корчиться» в муках, «чего они и заслуживают», и собирая «добрых» в ограду Церкви, «где они испытывают удовлетворение». У Церкви иной подход к миру. Ведь самая большая часть скорбей, мучений и страданий в мире зависит, может быть, именно от того, что мир отошел от Христа, забыл о Нем. И на обязанности Церкви лежит идти в мир, говорить ему о Христе, привлекать его ко Христу и тем спасти его от переживаемых им страданий и мучений. И потому неправильна мысль Н. А. Бердяева, что внимание христиан к покинувшим отчий дом и переживающим «агонию мира» не может заключаться в усилиях обратить их в христианство и вернуть в Церковь. Многие именно в этом больше всего и нуждаются. Если Иисус Христос, Глава Церкви, принял на себя грехи и скорби мира и страдал ими, то Церковь, Тело Христово (а таковым ее признает и Н. А. Бердяев), не может по-иному относиться к скорбям и страданиям мира. В призыве

к покаянию и в благодатном восстановлении душ человеческих заключается миссия Церкви, каковую она и выполняет.

И если Н. А. Бердяев это оспаривает и осуждает Церковь, то я думаю, только потому, что истинные или мнимые погрешности видимой Церкви мешают ему видеть подлинную сущность Церкви и ее спасительное действие в мире. Под внешними формами Церкви он не видит ее таинственной сущности. Это именно мне и хотелось отметить как своим письме, так и в настоящей заметке.

В заключение этой заметки я хочу сказать еще несколько слов по поводу объяснения Н. А. Бердяевым источника зла в мире. В этом объяснении для меня как нефилософа много непонятного. Н. А. говорит о «внебытийственной и несотворенной свободе», которую он и считает источником зла. Что такое эта «внебытийственная и несотворенная свобода»? Это область, на которую распространяется всемогущество Божие. Это есть нечто существующее вне Бога, рядом с Богом, от него не зависящее и Ему не подчиненное. Получается дуализм, двойственное начало жизни, отрицание Единого Бога. Бог как Творец и Вседержитель мира признается, но рядом с созданным Им миром и Им самим признается и некоторое другое. Им не сотворенное, начало. Христианская мысль не мирится с таким учением. Она признает единое начало всего существующего, и это единое начало есть Бог. Никакого другого начала, существующего рядом с Богом и не от Него получившего свое существование, свою жизнь, христианская мысль не признает. Объясняя свой взгляд, Н. А. Бердяев говорит «Трудно примириться с тем, что Бог делается ответственным за зло. Все в руке Божией, всюду действует Бог, Бог пользуется злом для целей добра, никто и ничто не имеет свободы в отношении к Богу. Отсюда Кальвин сделал последовательный и радикальный вывод в учении о предопределении. Действует ли Бог и в зле и через зло? Если да, то ответственность за зло и страдание мира возлагается на Бога. Если нет, то существует свобода от Бога и по отношению к Богу, что ограничивает единовластительство Божие, делает Бога как бы бессильным (я понимаю всю ограниченность употребляемого тут языка) по отношению к свободе зла... Большая часть теодицей, от блаженного Августина до Лейбница, не только неудовлетворительна, но и прямо оскорбительна для Бога и для человека. Можно, конечно, стать на чисто агностическую точку зрения и признать, что тут мы имеем дело с предельной тайной, которую невозможно рационально постигнуть. Эта точка зрения лучше, чем рациональные теодицеи, но в бо-

гословии и метафизике она никогда не выдерживалась до конца и всегда в конце концов строились теории, оскорбительные для чуткой совести. Многие учителя Церкви, как известно, учили, что зло есть небытие. *Но, додумав это до конца, приходится допустить, что источники зла лежат вне бытия, на которое распространяется всемогущество Божие, т. е. во внебытийственной и несотворенной свободе* (курсив мой). Это есть лишь философская интерпретация и философское выражение предельной тайны, связанной со свободой и злом».

Последние слова, по-видимому, показывают, что заключение о «внебытийственной, несотворенной свободе» нужно понимать только как одно из предположений, объясняющих источник зла. Для чего же понадобилось такое предположение? Для того чтобы ответственность за существующее в мире зло на падала на Творца мира, Бога. Н. А. Бердяев полагает, что если источником зла является злоупотребление сотворенными Богом существами дарованною им от Бога свободою, то ответственность за это зло неизбежно падает на того, кто даровал свободу созданным Им существам, т. е. на Бога. Чтобы избежать этого заключения, он и допускает существование некоей не зависящей от Бога, внебытийственной, несотворенной свободы, которая, по его мнению, и является источником зла в сотворенном Богом мире. Мне не представляется справедливым мнение об ответственности Бога за злоупотребление дарованною свободою созданными Богом существами. Если бы свобода была им дарована *только* для совершения зла, тогда действительно ответственность за сделанное ими зло падала бы на Того, кто дал им эту свободу делать зло. Но ведь с таким же, даже с большим, основанием можно утверждать обратное, что свобода была дарована созданным Богом существам, для того чтобы они могли свободно и добровольно делать добро, и если они предпочли делать зло, то эта свобода выбора зависит уже не от Того, кто дал им свободу, а от их собственного усмотрения и решения. Они получили свободу для добра, а употребили ее для зла. Ответственность за этот выбор падает уже не на Бога, а на них, ибо они сделали этот выбор *свободно*, а не по принуждению Божию.

С другой стороны, предположение Н. А. Бердяева о «несотворенной свободе», хотя, по-видимому, и снимает с Бога ответственность за существующее в мире зло и переносит эту ответственность на «несотворенную» свободу, но и это *только* по-видимому.

Ведь творцом мира и виновником его бытия и по мнению Н. А. Бердяева является Бог. Создавая мир и живущие в нем

существа, Бог или не знал, или знал о том, что эти существа получают свою свободу из неких таинственных недр «внебытийственной свободы». Если Бог не знал этого, то этим ограничивается уже не одно только всемогущество, но и всеведение Божие. А если знал и сотворил мир и живущие в нем существа, то Он не освобождается от ответственности, если не за то, что одарил сотворенные Им существа свободой, то за то, что сотворил их, зная, что они получают откуда-то извне свободу для делания зла. Вина за существующее в мире зло все-таки остается на Боге, хотя и не Он является источником этого зла. Далее, если мы допустим вместе с Н. А. Бердяевым, что источником мирового зла является независимая от Бога, «внебытийственная, несотворенная свобода», то мы оказываемся перед ужасным фактом существования в мире непреодолимой для Бога и независимой от Него мрачной силы зла, имеющей постоянную возможность осквернять и даже разрушать дело Божие в мире, созидание добра, правды, святости. С христианской точки зрения совершенно недопустимо такое бессилие Божие перед силой зла. Бог есть абсолютное и всемогущее добро, и нет такой злой силы в мире, которая могла бы противодействовать Ему, и противопоставлять себя Ему, и быть Им непреодолимой.

Но почему же в таком случае Бог допускает существование зла в мире? Почему Он его терпит? Почему Он позволяет злу торжествовать? Потому что Бог, обладая всемогуществом и властью, которые не могут быть ограничены ничем, вне Бога существующим, добровольно ограничивает свое всемогущество и свою власть, допуская <присутствие> рядом с собою сотворенных Им существ, одаренных Им свободой.

Свобода, в которой заключается одна из основных черт образа Божия в созданных Богом разумных существах и их высшее благо, дана им была не для зла, но для свободного делания добра, и в этом заключается их высшее совершенство. Этой дарованной тварям свободы Бог не отнимает у них даже тогда, когда они обращают ее во зло и против Бога. Причина долготерпения Божия заключается в том, что «Бог хочет всем спастись и в разум истины прийти». И это подтверждается притчей о пшенице и плевелах.

Я изложил, как сумел, те недоумения и те мысли, какие вызвала во мне статья Н. А. Бердяева «О христианском пессимизме и оптимизме». Могу прибавить еще одно: я понимаю и принимаю тот трагизм жизни, о котором пишет Н. А. Бердяев, но вместе с тем я радуюсь тому, что в нашем мире есть место, где я встречаюсь с Богом, где я чувствую твердую почву под

собою. Это место есть Христова Церковь—«столп и утверждение истины». В ней я не отмежевываюсь от страданий мира и не замыкаюсь в круг благодушно спасающихся, но получаю помощь и силу для преодоления страданий и зла жизни или для терпеливого их переносения. Очень хорошо сказал Н. А. Бердяев: «Выход из зла в страданиях самого Бога, т. е. Христа, не в Боге Вседержителе, а в Боге Искупителе, Боге жертвенной любви. Я думаю, что в этом сущность христианства». Эту истину о Боге Искупителе, преодолевающим зло мира своей жертвенной любовью, исповедует и Церковь, которая, будучи Телом Христовым, участвует в этом жертвенном подвиге и обязывает к нему всех своих верных членов.

Но это последнее — уже область не теории, а практики христианства.

Протоиерей *Сергий Четвериков*.
18 V 1935, Париж.

